

Ванюшка Маленькой и Настасья Митреевична

Во стольнѣм-то городи во Киеви
Да у ласкова кнезя да у Владимѣра
У ёго было пированьѣ, да был поцесьѣн пир.
Да все на пиру да напивалисе,
Да все на цѣсном да наедалисе;
Да все на пиру да приросхвасталисе:
А иной-де уж хвастат да золотой казной,
А иной-де уж хвастат да платьѣм цветным,
А и сильн-ѣт уж-де хвастат да своей силою,
А наезницѣк хвастат да тот добрым конѣм,
А средьн-ѣт хвастат да широким двором.
А един на пиру сидит — не пьѣт, не ест,
А не пьѣт он, не ест, сидит — не кушаѣт;
А на имя — Ванюшка Маленькой,
А княжьней любимой да он племянницѣк.
Да злы были бояра, да злы подмѣтчики;
Подмутили они князю-ту Владимѣру:
«Ишше Ванюшка сидит — да не пьѣт, не ест,
А не пьѣт он, не ест, сидит — не кушаѣт:
На тебя ле он, на князя, да лихо думаѣт!»
Говорит тут кнезь Владимѣр да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Ванюшка Маленькой!
Уж ты що же сидишь да нонь не пьѣшь, не ешь?»
Говорит тут ведь Ванюшка Маленькой:
«Государь ты родитель, да мой дядюш[к]а!
На тя я, на дядю, лиха не думаю —
Я-то-де сижу — да призадумалсѣ.
Бласлови мне, сударь дядюшка, женитисе!
У меня полюбовница есь прибрана
А во далецѣм-далецѣм да на украины,
А во хóрошом-хорóшом да во Чѣрни-городи,
У Митрея да сына Гурьѣвиця:
Да есь у ёго доци любимая,
Молодая Настасья да Митриѣвисьня!»
Говорит тут кнезь Владимѣр да стольне-киевской:

«Тибѣ Богъ благословитъ, Иванъ, женитисѣ!
Ужь ты силы-то бери, да сколько тибѣ надобно —
Поежджайте за Настасьей да Митреевисьней!»
Говоритъ тутъ вѣтъ Ванюшка Маленькой:
«Мне-ка силы-то твоей боле не надобно;
Только дай ты мнѣ старога казака
Да второго — Добрыню сына Микитиця!»
То и будутъ они да на конюшин дворъ;
Да седлали-уздали да коней добрыѣ:
Да накладывали седѣлыш[к]а черкафскіѣ,
Да потвязывали подпруги да шолку бѣлого,
Двенаццѣтъ подпруг да шолку бѣлого,
Тринадцата подпруга — черезъ хребѣтну кость:
«И не ради басы да ради крепости —
А всѣ ради опоры да молодецького:
Не оставилъ бы конь да во цистомъ поли,
Не заставилъ бы конь миня пешомъ ходить!»
Да стоѣли бояра на стѣны да городовое —
Не видѣли поездки да богатырьское,
А только лишь видѣли, какъ на конѣй сѣдились.
А изъ города поѣхали не воротами —
Они прямо черезъ стѣну да городовую,
А черезъ те-де башни да наугольниѣ:
А только лишь въ поли да курева стоѣитъ,
Курева стоѣитъ въ поли, да дымъ столбомъ валитъ.
Здраво стали они да полѣмъ цистымъ,
Здраво стали они да реки быстрыѣ.
Оставалса тутъ Ваня да во цистомъ поли.
Здраво стали они да во Черни-городъ
А ко Митрею да ко красну крыльцю,
Становили они коней да не приказаныхъ,
Не приказаныхъ коней да не привязаныхъ.
Тутъ пошелъ старой казакъ да на красно крыльцѣ,
Проходя онъ идѣтъ да по новымъ сенямъ,
Отворятъ онъ у грьдѣни да широки дѣвери;
Наперѣдъ онъ ступатъ да ногой правою,
Позади онъ ступатъ да ногой левою.
А и крест-отъ кладѣтъ да по-писаному,
А по[к]лон-отъ ведѣтъ да по-уцѣному;

Поклоняется на все на цетыре да кругом стороны:
Во-первых, он Митрею сыну Гурьевичю:
«Уж ты зрасвучёшь, Митрей сын Гурьевичь!»
Говорит тут ведь Митрей сын Гурьевичь:
«Уж ты зрасвучёшь, старой казак Илья Муромець!» —
«Мы уж ездим от стольнёго города от Киева,
От ласкова кнезя да от Владимирера,
От того же от Ванюшки от Маленького;
Мы о добром дели ездим — да всё о сватосви!»
Говорит тут ведь Митрей сын Гурьевичь:
«У миня ведь уж доци-та просватана
За синее морё да за Холодноё
За царя-де она да за царевица,
Да за того короля за королевица;
А завтра у нас дак ведь уж свадьбы быть:
А вот придёт король з-за синя моря
На двеннацати черленых да бóльших караблях
Со своей со силой да со военною!..»
Говорит старой казак да Илья Муромець:
«Уж ты ой еси, Митрей сын Гурьевичь!
Ты добром буди дашь — дак мы и добром возьмём,
Добром-то не дашь — дак возьмём силою,
А силой возьмём мы да богатырьскою,
Грозою увезём да княженецькою!»
А тут-то ведь Митрей да приросплакалсэ:
«У меня ведь уж доци да нонь просватана
За синее морё да за Холодноё
За царя-де у мя да за цяревица,
А за того короля за королевица:
А вот придёт король из-за синя моря
На двенаццати черленых да больших караблях!..»
Тут пошел старой казак да ведь из грьдъни вон;
А пошел-де уж он да по новым сеням,
По новым сеням пошел да ко третьим дверям.
Заходил он к Настасьи дак Митрееви[с]ъни,
Он брал-де Настасью да за белы руки,
За ее же за персни за злаченые;
И повёл он Настасью да вон из горёнки.
Она будёт супротив да дверей батюшковых,

Говорит тут Настасья да Митреевисьня:
«Государь ты родитель, да мой батюшко!
Ты пощо же меня да не добром отдаёшь,
Не добром отдаёшь да меня — силою?
Ведь уж я у тебя была просватана
Я за синёе морё да за Холодноё
За того я царя да за царевица,
За того короля за королевица;
А завтре у нас да ведь уж свадьбы быть:
Да вот придёт король з-за синя моря
На двенаццати черленых да больших караблях
А со своей со силой да со военною.
А есь же ведь где ле да у других оцьцей,
А есь же у их да ведь и доцери —
Всё из-за хлеба дают да из-за соли!
А и ты меня давашь нонь да не из-за хлеба,
Не из-за хлеба давашь ты да не из-за соли!..»
А тут-то ведь Митрей приросплакалсэ.
Тут повёл старой казак да вон на улоцьку,
Да садил он Настасью да на добра коня,
На добра коня садил он впереди себя.
Да поехали они да вон из города;
Они доехали до Ванюшки до Маленького.
Тут вопел старой казак своим громким голосом:
«Уж ты ой еси, Ванюшка Маленькой!
Уж ты скоро ставай, да нонь скоре того,
Умывайсе ты нонеце свежой водой,
Утирайсе ты нонеце белым полотном.
А вот тебе дело да ноньце сделано,
А вот тебе служба да нонь сослужона:
А и вот тебе Настасья да Митреевисьня!
Уж она была у батюшка просватана
За синёе морё да за Холодноё
За царя-де она да за царевица,
За того короля за королевица;
А завтре у их дак уж ведь свадьбы быть:
А придёт король з-за синя моря
На двенаццати черленых да больших караблях!..»
Говорит тут ведь Ванюшка Маленькой:

«Уж ты старой казак ты, да Илья Муромец!
Поежджайте вы на тихи да вёшны заводи —
Настрелейте гусей, да белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей.
А я-то ведь нонь да приостанусе».

Тут оставили Настасью да Митреевисьню,
Да поехали они да в стольне Киев-град;
Приворотили они на вёшны на заводи
Да стрелеть-де гусей, да белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицэй.

Когда пришол король там из-за синя моря —
А стрецят тут ведь Митрей сын Гурьев[и]ць,
А сам-де уж он да приросплакалсэ:
«Уж ты зрасвуёшь, король, король неверные!
Приезджали от стольнёго города от Киева
А два сильних-могуцих да два богатыря —
Увезли у меня доцерь любимую:
А один-от — старой казак Илья Муромец,
А второй-от — Добрынюшка Микитиць млад!»

А тут королю да за беду пришло,
За велику досаду да показалосе;
И сам говорит да таково слово:
«Я узнаю всех руських могуциех богатырей:
Во-первых я Илью да ведь уж Муромця,
Во-вторых-то Добрынюшку Микитиця!..»

Заревел тут король как по-звериному:
«Уж вы слуги, мои слуги, да слуги верные!
Скоро дайте-подведите да мне добра коня
И со всей ёго со сбруной да с богатырьское;
А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть —
Не поступлюсь я Настасьей да Митреевисьней!..»

Тут поехал король да за Настасьею.
Он сустыг где ведь Ваню да на цистом поли,
На цистом поли Ваню, да при белом шатри.
Он и вопит-крыцит своим громким голосом:
«Уж ты ой еси, Ванюшка Маленькой!
Уж ты скоро ставай, да нонь скоре того,
Уж ты скоро выходи да из бела шатра:
А кому будёт на поли Божья помошшь,

Кому достанецьсе Настасья да Митреевисьня?»
Ише в та поре Ванюшка Маленькой
Выходил-де уж он да из бела шатра.
А и нацели они да тут боротисе;
Некотóрой некотóрого одолить не мóжот.
Говорит тут ведь Ванюшка Маленькой:
«Уж ты ой еси, Настасья да Митреевисьня!
Поди пособи одолеть да мне-ка короля:
За королем жить — потеряешь всю веру крещоную!»
Говорит тут король, да король неверные:
«Уж ты ой еси, Настасья да Митреевисьня!
Поди пособи одолеть да мне-ка Ванюшку:
За мною ведь быть — да и ведь царицэЙ слыть,
А за Ванюшкой жить — да сиротиной слыть!»
Говорит тут ведь Ванюшка Маленькой:
«А за мною ведь быть — да не в меньших же слыть!»
Выходила тут Настасья да Митреевисьня.
Да брали они Ваню да за русы кудри,
Да припетили Ваню да ко сыру дубу,
Привязали опутинками шелковыма;
А сами они стали да опочев дёржать.
А Ваня лёжит да под сырым дубом.
Налетали как два сизых два голуба;
А сажались они к Ванюшки на сырой дуб,
А поуркивают да поговáрывают.
А король с Настасьей тоже розговор говорят;
Говорит тут король, король неверные:
«А пощо они сели к Вани на сырой дуб?
Они сели бы к нам да ведь на бел шатёр!
Я возьму ведь уж выйду да свой ярый лук,
Я наложу ведь две стрелы каленые —
Я сострелю ведь этих да сизых голубей!»
Выходил ведь король да из бела шатра,
Да брал ведь уж он да свой ярый лук,
Он натегивал тетивоцьку шелковую,
Он накладывал ведь две стрелы калёные:
Он и хоцёт стрелеть да сизых голубей.
Захватила Настасья да Митреевисьня:
«Не стрелей ведь уж ты да сизых голубей —

Ты прямо мети Вани под сырой дуб:
Роспороло бы у Вани да грудей белые,
Роскололо бы у Вани да ретиво серьцо!»
Говорит тут король, король неверные:
«Уж ты глупа ле, Настасья да Митреевисьня!
А сизы-ти голубы улетят ведь —
А Ваня от сыра дуба не ўрвицэ!..»
И опеть король метит да в сизых голубей.
Захватила Настасья да во второй након:
«Не стрелей-де уж ты да сизых голубей —
Ты уж прямо мети Вани под сырой дуб:
Роспороло бы у Вани да груди белыи,
Роскололо бы у Вани да ретиво серцо!»
А спустил-де король стрелы в сизых голубей —
А сизы-ти голубы улетели.
А когда эти стрелы назадъ воротяцьсе —
И одна стрела падала не на гору,
А не на гору падала, не на воду:
Она падала к королю во черны груди —
Тут и падал король да на сыру землю,
Да тут заплакала Настасья да Митреевисьня.
Втора стрела падала не на гору,
Не на гору падала, не на воду —
Она падала Ванюшки под сырой дуб,
Пересекла опутинки шелковые —
Тут отскакивал Ваня да от сыра дубу,
Да сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, Настасья Митреевисьня!
Уж ты скоро собирай да ноньце бел шатёр;
Поедём мы ноньце да в стольне Киев-град».
Собирала Настасья да ведь уж бел шатёр.
Да поехали они да по цисту полю,
Да доехали они да до Почай-реки.
Говорит тут ведь Ванюшка Маленькой:
«Уж ты ой еси, Настасья Митреевисьня!
Ты сходи-тко-се ноньче да во Почай-реку:
Уж я долго стоял нонь да под сырым дубом —
Загорело моё да ретиво серьцо!
Принеси ведь уж ты да мне напитисе,

Принеси мне-ка воды свежой ключевое!»
Говорила Натасья да Митреевисьня:
«Не воды ты пить хошь свежой ключевое —
Ты хошь пить моей крови горячее!..»
Он отсек у Настасьи да руку правую:
«Мне-ка эта рука боле не надобна —
Обнимала поганого тотарина!..»
Он отсек у Настасьи да нос и с губами:
«Мне-ка эти ведь губы боле не надобны —
Цёловали поганого тотарына!»
Он отсек у Настасьи да ногу правую:
«Мне-ка эта нога боле не надобна —
Оплётала поганого тотарына!»
Тут поехал ведь Ванюшка в стольне Киев-град.
Говорит кнезь Владимир да стольне-киевской:
«Ты здорово, Ваня, женилсэ — да, видно, не с ким спать!..»
Говорит тут ведь Ванюшка Маленькой:
«У меня осталась любавушка у Почай-реки!»
Говорит кнезь Владимир да стольне-киевской:
«Со глупости, Ваня, да оставайсье:
Ише как же король в сугон не погониццэ?»
Затем-то ведь Ванюшки славы поют,
А славы-ти поют, да и старины скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 26 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чуповой Анны Петровны (урож. д. Гришино на р. Вижас), 72 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.